

Новый ии периодъ Русской исторіогра- фіи.

Историко-юридическая школа.

Первые представители:

§ 15 Густавъ Эверъ (+1830).

Библиографія:

Смолт. статьи въ журналы Ми-
нистерства Народнаго Просвѣще-
нія - IX, 635 и XXVII, 40.

Первые представители историко-юридиче-
ской школы сыграли ту же роль въ разработ-
кѣ юридическаго быта Руси, какую иллицеръ и дру-
гѣ нѣмекіе академики - въ разработкѣ вѣнѣ-
ской Русской исторіи и по вопросу возникновенія
русскаго государства вообще. Заслуга Эвера со-
стоитъ въ томъ, что онъ, можно сказать, пер-
вый создалъ науку исторіи Русскаго права. Въмѣ-
стѣ съ Рейцолъ, своимъ ученикомъ, Эверъ первый
заговорилъ о родовомъ бытѣ древней Руси и въ этомъ
направленіи имѣлъ много послѣдователей; заслу-
живаетъ также полнаго вниманія попытка
его объяснить исторію съ точки зрѣнія внутрен-
няго развитія. Важнѣйшіе труды Эвера: -
учебникъ исторіи до Ивана IV - „geschichte
der Russen“; Kritisches voraufbeit zur ges-
Рус. исторіографія. Лекціи проф. Багалъя. 2 часъ. л. 20.

schichte der Russen; das älteste Recht
 der Russen". Сочиненіе его „Критическій изыс-
 дованіи по Русской исторіи" состоитъ изъ 2^х
 частей и имѣетъ характеръ введенія въ рус-
 скую исторію, въ родъ „Розысканій" Иловайскаго.
 Въ первой части „Изысдованій" Эверсъ прихо-
 дитъ къ выводу о мѣстномъ, туземномъ про-
 исхожденіи Руси. Его изысдованія приуроце-
 ны къ хронологическому изложенію Русской
 мѣстности. Варяговъ онъ считаетъ Норманна-
 ми и прибавляетъ, что ихъ не сльдуетъ смѣ-
 шивать съ Русью; въ этомъ онъ расходится съ
 Шлецеромъ и Норманистами. Шлецеръ утверж-
 даетъ, что призванные Варяги-Русь были тѣ
 самые, которые незадолго передъ тѣмъ были
 прогнаны Новгородскими Славянами. Несторъ,
 по словамъ Эверса, „ничего не говоритъ о воз-
 вращеніи прогнанныхъ Варяговъ и называетъ
 призванныхъ, для отличія отъ упомянутыхъ
 прежде, Русью. Посланныки говорятъ имъ:
 „земля наша велика и обильна"; — нужно ли
 имъ было такими словами хвалить ее Варя-
 гамъ, которыхъ она понравилась только, что
 незадолго передъ тѣмъ должно было выгна-
 ихъ оттуда силою? Не доказываютъ ли бо-
 лѣе сіи слова прѣтвнаго? Не доказываютъ
 ли онъ, что Словене говорили такому на-
 роду, которому земля ихъ, по ихъ мнѣнію,
 была совершенно неизвѣстною? — Разумѣется."
 Эверсъ сильно нападаетъ на „Нѣмцевъ" (Нор-
 манистовъ) за ихъ филологическія толко-
 ванія именъ призванныхъ князей. Больше
 всего, по его мнѣнію, можно задуматься въ

производство словъ и именъ. „Не смотря на сѣ, продолжаетъ Эверс, безпрестанно являющіеся отважные искатели и, подлику Байдръ представившій здѣсь вожатыи, то самъ недовѣрчивый Шлецеръ рѣшился ему сочувствовать и очень обрадованъ, найдя съ нимъ влиять у Снорри, у Саксона и другихъ множество Скандинавскихъ гербовъ, кои назывались такъ или почти такъ, какъ Рюрикъ и Труворъ, наприм.: Трорекуръ, Рорекъ, Рорикръ, Рюрикъ; Труваръ, Труере. Съ третими, Ойнеусомъ ему не посчастливилось; но онъ утѣшился въ неудачѣ, предположивъ, что сѣ имя испорчено русскими и напомнивъ у Саксона объ одномъ царѣ Снѣ, а вѣсто потіне по а вночтенъ...

Байдръ почитаетъ Игоря и даже Святослава съ Владиміромъ Скандинавскими именами. „Сходство звуковъ въ двухъ первыхъ именахъ съ приведенными въ примѣръ нельзя не признать, и потому они могутъ подкрѣпить историческіе положенія, но не могутъ доказывать оного.“ Нѣсколько разъ по поводу разныхъ вопросовъ Эверсъ возвращается отъ времени до времени на филологическія догадки нѣмецкихъ ученыхъ. Разбирая толкованія названій днѣпровскихъ пороговъ, Эверсъ приводитъ слова Шлецера для характеристики того метода, которымъ производятся филологическія изысканія: „если какое либо слово не имѣетъ заимѣтой съ другимъ созвучности, то его поднимаютъ на этимологи-

чeskую дѣлу и мучать его до тѣхъ поръ, пока оно, какъ будто отъ боли, не закричитъ и не дастъ такого звука, какому хочешь жестокому словопроизводителю". Эверсъ опровергаетъ мнѣнiе Шмеллера, что Русскую исторiю будто-бы создаетъ начинать съ Рюрика, который основалъ, по словамъ Шмеллера, русское государство и при которомъ „три совершенно различныхъ народа, т.е. Новгородцы (Словене), Финны (Финны) и Руссы (Норманны) соединились въ единое и составили одинъ". Эверсъ не считаетъ Рюрикова единодержавiя на столько важнымъ, чтобы съ него начинать русскую исторiю, уже потому, что его единодержавiе было ограничено находившимися подъ его рукою нашествiями, которые также назывались князьями. Въ правленiи Рюрика нигдѣ Финны не соединялись въ одно съ Новгородцами. Руссами назывались Новгородскiе и Киевскiе Славяне, у которыхъ находились главныя мѣстопробыванiя иноземныхъ князей. „Олеъ покорилъ себѣ Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей, но нигдѣ нѣтъ помину о томъ, чтобы они отъ него назывались Руссами". Русское государство при Имѣнии, по мнѣнiю Эверса, образовалось раньше Рюрика, такъ какъ народы, призвавши Рюрика съ другими князьями, еще раньше этого призванiя составили союзы и управлялись потомъ сами собой, когда были изгнаны варяги возставшими въ Вадимовъ Новгородцами. Во второй книжкѣ своихъ „исслѣдованiй" Эверсъ говоритъ, между

прочимъ, о „древнѣйшихъ сльдкахъ Русскаго импе-
 ни“. Эти сльды находятся еще въ книгѣ про-
 рока Езекии, гдѣ тотъ говоритъ о Рассакъ,
 которые у классическихъ древнихъ писателей
 превращаются въ Роксоланъ, обитавшихъ по съ-
 веру Чернаго моря. Въ сльдующей вѣка Рассы
 остаются, по его мнѣнію, на тѣхъ же мѣстахъ,
 т.е. между Чернымъ и Русскимъ (у Нестора)
 моремъ и Каспійскимъ. Въ подтвержденіе
 своей мысли онъ приводитъ сказанія арабскихъ
 писателей. „Между Каспійскимъ и Чернымъ
 моремъ жили Руссы прежде, нежели исторія
 узнаетъ гдѣ-либо народъ сего имени. Разу-
 мѣется, на такомъ заключеніи нельзя основыва-
 ть никакою прочнаго мнѣнія, но въ необхо-
 димости сего заключенія ясно представляется
 отраженіе истины, за которую говорятъ исто-
 рическіе свидѣтели“. Говоря о названіи Черна-
 го моря Русскимъ, Эверъ указываетъ на то,
 что здѣсь встрѣчаешь впервые страну, носив-
 шую имя Русское раньше Славянъ (Новгород-
 скихъ и Киевскихъ). Естественно, говоритъ онъ,
 искать руссовъ при Русскомъ морѣ, нежели
 при Варяжскомъ. Напрасно стануть возра-
 жать, что сіе названіе мѣшается всей своей си-
 лы доказательной по той причинѣ, что мы
 не знаемъ древности онаго, — оно можетъ — де
 относиться къ тѣмъ временамъ, когда Словен-
 скіе Руссы, владѣя Млутараканью, владѣли
 уже и по берегамъ Понта. Я отвѣчаю: ран-
 нее сіе владѣтельство Словенскихъ руссовъ въ
 столь отдаленныхъ южныхъ странахъ оста-
 лось бы для изсльдкователю неразрѣшимымъ

загадкою, если бы онъ не нашелъ какой либо связи между ними и какими нибудь могущественными народами въ сей отдаленной странѣ". Итакъ, Эверс признаетъ, что Словенскіе руссы жили съ давнихъ поръ, именно, по его мнѣнію, - со времени Олега, на берегахъ Чернаго моря, приблизительно въ мѣстности, извѣстной впоследствии (при Владимирѣ св.) подъ именемъ княжества Тмутараканскаго.

Изъ другихъ взглядовъ Эверса нужно отнестись къ взгляду на Аскольда и Дира, которыхъ онъ считаетъ Туграми. Тугры были подчинены за 2 столѣтія предъ временемъ Аскольда и Дира Хазарамъ, которые въ IX вѣкѣ собирали дань съ Кіевскихъ Половѣ и Аскольдъ и Диръ, бывшіе въ дружину Рюрика, тоже сдѣлались данниками хазаръ, когда овладѣли Кіевомъ.

Другое сочиненіе Эверса "Древнѣйшее русское право" состоитъ также изъ 2^х частей съ приложеніями въ конецъ книги. Первая часть труда посвящена временамъ языческимъ, а вторая - христіанской эпохѣ. Въ своей книгѣ авторъ разсказываетъ постепенный ходъ развитія славяно-русскихъ племенъ, начиная съ низшей ступени - "семейственной", т.е. съ родового быта, общаго всемъ народамъ на извѣстной стадіи ихъ культуры и затѣмъ переходить къ обзорно государственной зачатковъ, которые въ первый вѣкъ Русской исторіи были еще въ сильной зависимости отъ обычаевъ предыдущаго періода - семейственнаго и, благодаря этой зависимости, правовыя

отношения древней Руси были противоположны, "чуждо-чуждымъ изрожденіемъ филою, буйной природы человека." Исходя изъ своего взгляда на бытъ Славянъ до-Рюриковскаго времени, авторъ излагаетъ въ преемственной связи ходъ развитія русскаго права по памятникамъ - договорамъ Олега и Игоря, по Русскоу правду. Ходъ исторіи всѣхъ человѣческихъ обществъ Эверсъ объясняетъ такими образами: "каждый народъ сложился изъ многихъ племенъ, племена изъ родовъ и семействъ, мы, иначе сказать, изъ небольшихъ общественныхъ союзовъ, которые сами собою, мало по малу, образуются изъ многочисленныхъ, вѣдѣній живущихъ потомковъ одного какого либо племени.....

Государства, которые потомъ начинаютъ развиваться (второй шагъ въ постепенномъ образованіи человѣческаго рода), суть не что иное, какъ соединенія отдѣльныхъ, бывшихъ дотомъ совершенно свободными родовъ, или большихъ семействъ, подъ владычествомъ одного общественнаго главы." Въ первый времена созданія русскаго государства не было формальныхъ законовъ, такъ какъ у первыхъ князей и самого понятія о государствѣ не существовало. Управленіе носило случайный характеръ, князь еще дѣйствовалъ, какъ родоначальникъ семьи или рода. Онъ похожъ на библейскихъ патриарховъ въ томъ только отношеніи, что тѣ управляли однимъ родомъ, а князь - многими родами. Самый способъ владычествія, по мнѣнію Эверса, имѣлъ также родовой характеръ, т. е. оставшеся почти

отца насильство нераздѣльно поступило во
 владѣніе вѣсьмъ его дѣтей, причесть обыкновенно
 старшій изъ нихъ бѣи во шавъ младшихъ,
 и по смерти одного брата старшинство пе-
 реходило не къ сыну его, а къ свѣдующему
 за нимъ брату. На основаніи этихъ обычаевъ
 русскими землими правили три брата Рю-
 риковича сообща. Также самое бѣи и въ Кие-
 вѣ, въ лицѣ Кія, Щека и Хорива. Такимъ
 образомъ способъ родового владѣнія, по Эверсу,
 переходитъ на князей. На основаніи того же
 родового бѣи Олегъ не бѣи опекуномъ малолѣ-
 тняго Игоря, но самостоятельнымъ княземъ, къ
 родственнику Рюрика, какъ членъ одного съ
 нимъ рода. Это видно изъ того, что Олегъ про-
 должалъ бѣи княземъ и тогда, когда уже
 наступило совершеннолѣтіе Игоря, когда не
 нуженъ бѣи опекунъ. Княгиня Ольга пра-
 вила государствомъ за своего сына какъ на-
 мѣстница, и какъ попечительница надъ его
 ищуществомъ, подобно тому, какъ маѣ, по
 древнему праву, могла сидѣть съ своимъ на-
 лѣтѣвшимъ сыномъ въ отеческомъ домѣ безъ
 раздѣла. Местъ, право мести до основанія
 государства принадлежало частнымъ лицамъ,
 а при родовомъ устройствѣ - цѣлому роду.
 Постоянная опасность со стороны враговъ по-
 буждала отдѣльные селѣи не разлучаться,
 а напротивъ соединяться въ цѣлыя роды,
 а эти роды - въ племена. „Сперва, говоритъ
 Эверсъ, начальники рода имѣли всеобщую
 охранительную власть, каждый отецъ вла-
 дѣствовалъ почти независимо въ своемъ

семействъ. Но съ возрастаніемъ родовъ и пле-
менъ возрастаетъ и власть ихъ начальника;
онъ приобретаетъ славу и обогащается отъ
добычи; въ его распоряженіи состоятъ все, въ
чемъ нуждается, чѣмъ владѣетъ цѣлый со-
юзъ. Начальникъ племени, если онъ вѣдаетъ
сластивымъ воинствомъ, дѣлается мало по ма-
лу владыкою надъ извѣстными простран-
ствами земли, могущественнымъ княземъ.
Но первоначальное семейственное отношеніе,
основанное на самой природѣ, долго еще
сохраняетъ свою силу и въ повзрослованномъ
государствѣ." Разбирая договоры Олега и
Игоря съ Греками, Эверсъ видитъ въ нихъ боль-
шую разницу какъ по формѣ, такъ и по со-
держанію. Договоръ Олега, заключенный послѣ
его побѣдоносного похода на Константино-
поль, представляетъ изъ себя обыкновенный мир-
ный трактатъ между двумя самостоятель-
ными народами, являющийся къ обоюдной
пользѣ обоихъ народовъ, тогда какъ въ дого-
ворѣ Игоря, заключенномъ послѣ его неудач-
наго похода на Грековъ, сами Греки являют-
ся дающими миръ на условіяхъ, выгодныхъ
для себя и менѣе выгодныхъ для Русскихъ. По
содержанію своему договоръ Игоря составляетъ,
по мнѣнію Эверса, приращеніе къ Олегову
договору и это приращеніе было сдѣлано со-
образно съ обстоятельствами времени, было
обусловлено нарушеніемъ перваго — Олегова до-
говора со стороны Игоря. „Съ духомъ древ-
нихъ народовъ, говоритъ Эверсъ, совершенно
Русск. Географія. 2^е изд. Лисъ 21.

согласно оставлять непрерывно въ своей силѣ, какъ основу, первый договоръ, заключенный при первоначальномъ основаніи какого нибудь отнo-
шенія... Таковы поступали Новгородцы... За-
ключая договоры съ своими князьями, они не
почитали нужнымъ говорить каждый разъ сно-
ва о древнемъ, первоначальномъ устройствѣ
своихъ городовъ, о своихъ преимуществахъ и воль-
ностяхъ, данныхъ имъ Ярославомъ." Эверсъ
сводитъ въ договорахъ за вліяніемъ русска-
го и греческаго элемента. Византійскій эле-
ментъ силенъ въ особенности въ нашихъ церковномъ
правѣ. Слѣды русскіхъ обычаевъ и правовъ, гру-
быхъ и вовсе несопоставимыхъ съ Византійскими за-
конами, Эверсъ объясняетъ тѣмъ, что грубый на-
родъ крѣпче держится своихъ обычаевъ, не довто-
ряетъ утонченнымъ законамъ Византійцевъ, и что
образованнымъ Византійцамъ легче было приспособ-
иться къ менѣе совершеннымъ правамъ и обы-
чаямъ грубого народа, чѣмъ этому помыслимъ
- возвыситься до пониманія Византійскихъ зако-
новъ. Отмѣтивъ взглядъ Эверса на знаѣность
рода: „Благородными фамиліями признавались
тѣ, которые могли доказать свое происхожде-
ніе отъ древняго начальника племени или, по
крайней мѣрѣ, родство съ нимъ. Таковы были бо-
ляре." Званія боярина не могъ дать, по его мнѣнію,
самъ князь, такъ какъ тогда еще не было обы-
чая награждать титуломъ. Князь могъ награ-
дить по мѣстѣ или, принимаетъ въ дружину, но не
могъ сдѣлать бояриномъ. Для окончанія обзоръ
важнѣйшихъ взглядовъ Эверса приведемъ
его взглядъ на дѣйствія Святослава: „Свя-

тополкѣ, если держатся со всею строгостію исторической истины, даже и не можетъ быть названъ братоубійцею. Борисъ и Глебъ были только ближайшими его родственниками, но не братьями. То крови онъ былъ сынъ Ярополка; а что Владимиръ его усыновилъ и въ некоторомъ образомъ призналъ его старшимъ своимъ сыномъ, это еще не могло произвести кровного родства въ истинномъ смысле."

Методъ изслѣдованій Эверса выражается въ сущности въ его словахъ: „Если мы хотимъ судить правильно о древнихъ временахъ и, сколько возможно, имѣть передъ собою древнюю исторію, а не древнія событія въ новопитанной покрывѣ; то мы должны строго держатся словъ историковъ и въ своихъ сужденіяхъ о дѣяніяхъ основываться не на понятіяхъ нашего вѣка, но на понятіяхъ того времени". И дѣйствительно, Эверсъ всегда при изслѣдованіи какого нибудь вопроса, приводитъ текстъ Русской Правды, присоединяетъ переводъ, дѣлаетъ анализъ текста и уже затѣмъ строитъ выводы, причемъ иногда пользуется, какъ мы уже упоминали, аналогіей, такъ какъ, по его мнѣнію, „у всѣхъ древнихъ народовъ, въ первый періодъ развитія ихъ гражданственнаго состоянія, право совершенно сходно въ главныхъ чертахъ своихъ".

Почтеніемъ Эверса и почитаемыхъ имъ теорій родового бытія былъ Рейцъ. Онъ оставилъ сочиненіе: „Опытъ исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ" (М. 1836), переведенное съ нѣмецкаго Морошкинымъ. Въ предисловіи къ этому переводу Морошкинъ

указывает на значеніе труда Рейца. Рейцъ, по словамъ Морозкина, приводитъ въ своемъ трудѣ массу матеріала; онъ воспользовался всеми историческими права, какіе были известны въ его время. Онъ начинается съ первыхъ понятій о правѣ и заканчиваетъ временемъ полнаго образованія Московскаго государства (XVII в.). Онъ дѣлитъ исторію права на періоды: 1) IX в. - XI; 2) XI - XVI; 3) XVI и XVII, т. е. до учрежденія и 4) XVII в. - до новаго времени. Три эти дѣленія онъ основываетъ на истиннослѣдственныхъ моментахъ, совершаемыхъ правомъ въ его развитіи. „Въ каждомъ періодѣ онъ восстанавливаетъ форму юридическаго бытія Россіи во всехъ частяхъ законодательства.“ Недостатокъ сочиненія Рейца обуславливается его иностраннымъ происхожденіемъ и состоитъ въ томъ, что „для него въ исторіи все шибетъ видъ прошедшаго. Онъ не чувствуетъ потрясенія отъ вступленія средства между читателемъ и перьями минувшихъ лѣтъ; не могъ одушевить лѣтисчисленіемъ оживить сознаніемъ Московской правды.“

Рейцъ начинаетъ свое изложеніе современно разселенію Славянъ по русской равнинѣ, куда они, по его мнѣнію, двинулись послѣ нападенія Болгаръ на ихъ прежнюю родину. Вначалѣ они не были между собою связи; была единственная связь между членами известной группы - семейства или рода, управляемаго независимымъ родоначальникомъ. Власть этого владыки надъ его женою, дѣтьми, домашними была неограничена, и изъ этой неограниченности исходило всякое право у древнихъ Славянъ; на осно-

ваніи ея рѣшались все тѣ же бы. Рейцъ дѣлаетъ предположеніе, что "и народъ, т. е. начальники родовъ съ ихъ семействомъ и домашними раздѣлились на общины, коихъ собраніе рѣшало споры и опредѣляло отношенія". Тутъ Славянъ еще въ то древнее время, по мнѣнію Рейца, существовало земледѣліе, о чемъ свидѣтельствуютъ между прочимъ слова найней лѣтописи: "земля наша велика и обильна" и названіе одного изъ племенъ Полянами. Далѣе начинается изложеніе по періодамъ. 1^{ый} періодъ — "отъ основанія государства до перваго начертанія законовъ" (отъ 862 до половины XI ст.). Вначалѣ перечисляются источники, затѣмъ идетъ глава: "публичное право," подъ которымъ онъ раздѣляетъ право государственное. Объ образѣ правленія онъ говоритъ въ главѣ: "образъ правленія и титулъ". Но въ какомъ видѣ ограничена княжеская власть. Народъ не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ правленіи. Но князь считалъ важнымъ совѣщаніе съ его боярами и старостинами не потому, чтобы ихъ согласіе было нужно для исполненія княжеской воли, но обычай требовалъ, чтобы князь (частью юный лѣтѣми) въ важныхъ дѣлахъ выслушивалъ совѣты своихъ приближенныхъ. Это казалось лѣтописцу похвальнымъ. Въ отношеніи къ подданнымъ образъ правленія былъ неограниченнаго монархіи. Далѣе Рейцъ говоритъ о классахъ народа (благороднѣйшіе — бояре и князья, затѣмъ княжеская дружина, или свита, сѣрацы, градоуи и старицы, модекіи, огнищане,

силы, рабовити). Различия между классами не было. Народъ былъ свободенъ и только по своимъ занятіямъ носилъ каждый то или другое названіе; но занятія не составляли еще спеціальной принадлежности какого нибудь одного класса. Каждый могъ вступать въ дружину князя. Существовало только одно различіе, именно, народъ раздѣляется на 2 племени - Руссовъ и Славянъ, которые, впрочемъ, слившіеся съ теченіемъ времени.

Далѣе Рейцъ говоритъ о частномъ, т. е. гражданскомъ правѣ и гражданскомъ судопроизводствѣ. Второй періодъ - отъ половины XI в. до полов. XVI в. - начинается съ обзоръ источниковъ; затѣмъ - публичное право: власть и престолонасліе, основанное на обществ. родового быта. „Право старш. на престолъ было основаніемъ, которое только что начинало образовываться и, какъ сдѣлать, еще не довольно твердо укоренилось, а по сему должно было оттолкнуться съ естественнымъ правомъ сыновей на оставленный отцомъ владѣніемъ и на власть его, тѣмъ болѣе, что сдѣлать послѣднее право должно было развиться въ удѣлахъ, кои владѣтели ихъ привыкли считать своимъ наслѣдіемъ („отчиной“). Въ удѣльный періодъ это право старш. на престолъ развивается широко, власть удѣльная князя становится самостоятельной и насильственной; князья прикрѣпляютъ къ своимъ удѣламъ. Въ концѣ удѣльнаго періода, князья удѣловъ поступаютъ въ разрядъ высшаго дворянства. Въ Московскомъ государ-

ство. Отношения между удельными и великими князьями были братские: великий князь — „старший брат“, а удельные — „младшие“. Великий князь заставлял признавать сына своего старшим братом, чтобы упрочить за ним наследство престола. Этой наследственности престола не помешало и владичество татар, хотя оно и стихало иногда произволом. Хань Ордынский былъ верховнымъ судьей въ рѣшеніи споровъ между князьями. Татарское владичество имѣло важное вліяніе на развитіе неограниченной монархіи, утвержденіе системъ податей и уголовного права. Далѣе, идетъ у Рейца глава о сословіяхъ. По его мнѣнію, въ Новгородѣ и Псковѣ господствовала, не смотря на народное управленіе, аристократія; онъ говоритъ, что въпрямую знатнѣйшіе мужи и рады руководили народными совѣщаніями.

Далѣе идутъ главы: управленіе, уголовное право, частное право и судопроизводство. Третій періодъ — отъ половины XVI в. до 1649 г. Изложеніе въ томъ же порядкѣ, какъ и въ предыдущемъ періодѣ. Книга заканчивается примѣчаніями отъ издателя, въ которыя входятъ главы: происхожденіе Руссовъ, Варяги, Договоръ Олега съ греками и Русская правда.

Третій представитель юридической школы Розенкампфъ. Его сочиненіе: „Обзорънѣ Коринтскіхъ книгъ“, въ которомъ онъ старается уяснить византийское начало въ русское право, чего почти вовсе не касались Эверсъ и Рейцъ. Къ достоянію нѣмецко-юридической школы

нужно отнести научный характер трудовъ и представителей. Эверсъ принявши начала, выраженные западной наукой по исторіи законодательства, къ матеріалу древне-русской исторіи. Представители названной школы отличались и значительной долей безпристрастия, особенно цѣннаго въ виду ихъ иноземнаго происхождения. Неудивительно, что школа Эверса имѣла цѣлый рядъ послѣдователей: Геденова, Шовайскаго, С. М. Соловьева, Никитскаго, Погодина и др. Къ числу недостатковъ названной школы нужно отнести то, что представители ея превеличавали замѣстоуство русск. правов. понятій изъ Германскаго права. Сходство правов. понятій у нихъ объясняется сходствомъ культурнаго развитія.

§ 16. Сергей Михайловичъ Соловьевъ.

Библиографія:

Мелгуновъ. Ученая односторонность. Русское Слово 1864 г.

Герье. С. М. Соловьевъ. Историческій вѣстникъ 1880.

Безобразовъ. С. М. Соловьевъ. Его жизнь и ученая — Литерат. вѣстникъ. С. 1899.

Ключевскій. Рѣчь и отчетъ, читанный въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 18 янв. 1880 г.

Соловьевъ родился въ Москвѣ въ 1820 г., а умеръ въ 1879 г.; былъ сынъ священника, законоучителя одной изъ Московскихъ гимназій; въ эту гимназію и самъ потомъ былъ опредѣленъ. Еще въ гимназій онъ почувствовалъ призваніе къ исторіи. Здѣсь, между прочимъ, онъ прочелъ „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина, а эта исторія въ то время еще имѣла большое значеніе, такъ какъ недостатки ея еще не были такъ ощутительны, какъ теперь. Въ университетѣ онъ слушалъ Каленовскаго и Погодина. Оба эти историка - профессора излагали свой предметъ - Русскую исторію въ диаметрально противоположныхъ направленіяхъ. Каленовскій, какъ извѣстно, былъ главой скептическаго, а Погодинъ - представителями положительнаго направленія, математическаго метода. По окончаніи университета Соловьевъ былъ отправленъ за границу, гдѣ завѣдѣлъ обширное знакомство преимущественно съ славянскими учеными. По возвращеніи изъ за границы онъ въ 1845 году сдѣлалъ пріемъ у Погодина по кафедрѣ русской исторіи. Около этого времени онъ началъ вращаться въ тогдашнихъ Московскихъ славянофильскихъ кружкахъ. Его магистерская диссертація называется: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ и докторская: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома.“ Въ университетѣ онъ читалъ обыкновенно 2 курса: общій и спеціальный - по какому нибудь отдѣлу русской исторіи географіи 2 ч. проф. Багалъя.

ской исторіи. Читалъ онъ и публичныя лекціи: объ установленіи государственнаго права въ Россіи и о Петрѣ Великомъ. Въ 1851 году появившійся 1^{ый} томъ его „исторіи Россіи“ и затѣмъ еженедѣльно выходившій по одному тому - до самой его смерти и вышло всего 28 томовъ, а послѣдній 29^{ый} изданъ уже послѣ его смерти. Другія работы С. М.: „Обзоръ событій смутнаго времени“, „Обзоръ царствованія Михаила Федоровича“, „Очерки исторіи Малороссіи“, „Русскія исторіи XVIII вѣка“, „Размышленія надъ историческою жизнью народовъ“, Географическія свѣдѣнія о древней Руси“ и множествъ другихъ. Списокъ сочиненій С. М. Соловьева составленъ профессоромъ Поповымъ (1880г.) С. М. былъ человекомъ глубокаго убѣжденія, обладавшимъ и стойкимъ характеромъ, имѣвшимъ опредѣленные взгляды на наше прошлое и въ своей жизни и ученой дѣятельности вскалывавшій эти взгляды.

Обзоръ „Исторіи Россіи въ древнѣйшіе вре-
мена“. Это сочиненіе представляетъ собою 3^ю
стадію въ развитіи Русской исторіи, какъ
науки. 1^я стадія - „Исторія Государства
Россійскаго“ Карамзина, 2^я - „Исторія Рус-
скаго народа“ Полевою. „Исторія Россіи“
подводитъ, такъ сказать, итогъ новаго
направленія въ науку. С. М. является не
только собирателемъ матеріала; онъ сказалъ
и свое новое слово. Основная идея, положен-
ная Соловьевымъ въ его трудъ - есть народное
самопознаніе. Вотъ какими словами онъ
опредѣляетъ задачи исторіи: „не дѣлать,

не дробить русскую историю на отдѣльные части, периоды, но соединять ихъ; слѣдуетъ приему - собственно за связью явлений, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараясь объяснить каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить вѣншему влиянію - вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда." Подобно Карамзину, Соловьевъ развиваетъ государственное начало, но начало это зарождалось не съ призванія князей, какъ у Карамзина. Карамзинъ считаетъ основнымъ началомъ русской исторической жизни - государственное. Онъ видитъ его какъ первое время, такъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ Русской истории. Княжескія усобицы, по его мнѣнію, представляютъ нарушеніе общаго правила. Соловьевъ видитъ два основныхъ начала, изъ которыхъ одно слѣдуетъ другому и которыя составляютъ смыслъ всей нашей истории: начало родовое и государственное, которое раздѣлено и слѣдуетъ родовое. Войтинное начало, выдвинутое Кавелинскимъ, у Соловьева стоитъ въ тѣни; ему не отведено должнаго мѣста.

Родовое начало. Здѣсь Соловьевъ принимаетъ исходнымъ пунктомъ возрѣнія Эверса. Соловьевъ говоритъ о бытѣ восточныхъ Славянъ, когда они обратились къ призванію князей, такъ: "что касается до быта восточныхъ

славянскихъ племень, то начальныи мѣстоименіе -
 сему оставиши нѣмъ о немъ существующее извѣстіе:
 „каждый живъ съ своимъ родомъ, отдѣливъ но
 на своихъ мѣстахъ, каждый властью родомъ
 своимъ“. Единство рода, связь племень (въ перво-
 начальномъ значеніи слова) поддерживались
 единымъ родоначальникомъ... Старшій имѣлъ
 обязанность блюсти вѣстои рода, думать, га-
 дать оъ этомъ, имѣть все хъ родней, какъ
 душу; права его состояли въ уваженіи, кою-
 лое оказывали ему, какъ старшему; къ нему
 относились во все хъ дѣлахъ, касающихся ро-
 да; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣ-
 лалось, онъ былъ распорядителемъ замятій,
 раздавателемъ пищи и одежды; онъ судилъ
 и наказывалъ; но все эти распоряженія по-
 лучали силу только съ общаго согласія.“
 О возникновеніи вѣща Соловьевъ говоритъ:
 „первоимъ признакомъ общенія между оу-
 дѣльными родами, живущими вмѣстѣ, дол-
 женеіствовали общія складки, совѣты, вѣща;
 но на этихъ складкахъ мы видимъ и носилъ
 однихъ старцевъ, у которыхъ все значеніе; что
 эти вѣща, складка старшинъ, родоначальни-
 ковъ не могли удовлетворить возникшей обще-
 ственной потребности, потребности наряда,
 не могли создать связи между соприсущи-
 вшимся родами, дать имъ единство, ослабить
 родовую особность, родовой эгоизмъ, - дока-
 зательствомъ служатъ усобицы родовыи, кон-
 чившіеся призваніемъ князей“. Значеніе горо-
 довъ авторъ видитъ въ томъ, что „въ горо-
 дахъ болѣе частыи столкновенія, болѣе ча-

стныя усобицы должны были скорѣе повести къ сознанию о необходимости порядка, правительственнаго начала." О причину призванія Заряжскихъ князей С. М. говоритъ: „Роды, сложившіеся на одно мѣсто и потому самою стремившіеся къ жизни гражданской, къ опредѣленію отношеній между собою, должны были искать силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, порядок, должны были искать правительства, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорѣ безпристрастнаго, — однимъ словомъ третьяго судью, а такимъ могъ быть только князь изъ чуждаго рода." Кавелинъ въ рецензій на I^ю томъ исторіи Россіи Соловьева говоритъ, что въ послѣднее время изслѣдователи русской исторіи обратили все вниманіе на внутреннее значеніе историческихъ событій; вѣнчательная сторона, бывшая раньше у историковъ на первомъ планѣ, теперь поставлена на вторую мѣсто: — возможность призванія Заряжскихъ, истинное его значеніе, какъ и весьма естественно, говоритъ Кавелинъ, стали казаться важнѣе, чѣмъ вопросъ о національности Заряжскихъ. Отсутствіе чуждаго вліянія въ русской исторіи дѣлаетъ изъ нихъ вѣнчательнѣе вѣнчательнѣе въ вопросѣ: были ли призванные князья Германско-Скандинавы или Славяне съ Балтійскаго поморья. Соловьевъ является представителемъ этого взгляда въ нашей исторической литературѣ, и надо отдать ему справедливость, говоритъ Кавелинъ, представителемъ полнымъ и послѣдовательнымъ. По мнѣнію Соловьева, Славяне очень свободно могли призвать и иностранцевъ, такъ какъ въ то время не было

еще национальной нетерпимости, разница между Славянами и германцами въ правахъ, религии, обычаяхъ была незначительна и даже въпоследствии Новгородцы и псковитяне охотно призывали къ себѣ Литовскихъ князей. О характеръ управления первыхъ Русскихъ князей Соловьевъ говоритъ: „Фактъ, за котораго можно считать князь, была первоначально видъ подчиненности племени одной общей власти, связи съ другими соподчиненными племенами, но при такомъ видѣ подчиненности, сознаниѣ объ этой связи, раздвигаясь, было еще очень слабо... Бороздо возникше для общей связи племень и для скрѣпленія связи каждого племени съ общимъ средоточіемъ была обязанность возить поводы, обязанность, въ послѣдствіи которой сами племена должны были доставлять дань въ опредѣленные князевѣ мѣсто, ибо съ этимъ подчиненность племень, участвіи ихъ въ общей жизни принимали болѣе дѣятельный характеръ. Но еще болѣе способствована сознанию о единствѣ та обязанность племень, по которой они должны были участвовать въ походахъ княжескихъ на другія племена, на чужіе народы"... Наконецъ, выходя племень изъ особаго родового быта, сосредоточенію каждого изъ нихъ около извѣстныхъ центровъ и болѣе крѣпкой связи всѣхъ ихъ съ единымъ, общимъ для всей земли средоточіемъ способствовало построение городовъ князь. 8 ми, умноженіи народонаселенія, переводъ его съ стѣны на тоу и т.д." Довѣще говорилъ, понимая изслѣдованіе дѣйствія родового начала, по спо-

валь Бестуржева-Рюмина, составляет одну
 изъ существенныхъ и иныхъ заслугъ, оказанныхъ Со-
 ловьевыми наукой русской исторіи. Значеніе
 периода родовыхъ отношеній онъ опредѣляетъ
 слѣдующимъ образомъ: „связью между гасѣли
 широко родовое отношеніе владѣльца каждой
 части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ
 самому старшему изъ нихъ, отношеніе, основан-
 ное не только на происхожденіи всѣхъ владѣль-
 цевъ отъ одного общаго родоначальника, но и на
 особенномъ способѣ владѣнія, которымъ под-
 держивалось единство княжескаго рода: Но
 особенный способъ состоялъ въ томъ, что глав-
 ный, старшій стоить переходить постоянно
 во владѣніе къ старшему въ цѣломъ родѣ
 княжескомъ. Преемству на западъ и ро-
 довымъ княжескимъ отношеніямъ на восто-
 къ безспорно принадлежала опека надъ ново-
 рожденными европейскими обществами въ опас-
 ный періодъ ихъ младенчества.“ Отношенія
 между князьями приняты родовой характеръ
 по мнѣнію Соловьева подъ вліяніемъ среды, въ
 которую они были призваны управлять, но
 въ свою очередь и бѣгъ призывавшихъ племенъ
 долженъ былъ потерпѣть нѣкоторые измѣне-
 нія подъ вліяніемъ новыхъ началъ, внесен-
 ныхъ князьями. Нарушеніе преемства среди
 князей (что обнаружилось уже при первомъ
 преемникѣ Ярослава М.) повело къ увеличенію
 изгоевъ. Соловьевъ первый указываетъ здѣсь
 на значеніе изгоевъ. Борьба изгоевъ съ ихъ роди-
 чами изъ за удовольствія повела къ Любечскому
 съезду въ 1097 году. О причинахъ усобицы Соловьевъ

говорить: „Отсутствіе отчужденности, непосредственной насущности волостей было главной причиной усобицъ, возникшихъ при первомъ поколѣніи Ярославичей и продолжавшихся при второмъ; на Любечскомъ съѣздѣ князья устранили эту главную причину, стараясь ввести каждого родича во владѣніе тѣми волостями, который при первомъ поколѣніи принадлежали его отцу“. Соловьевъ не дѣлаетъ здѣсь оцѣнки о тѣхъ нарушеніяхъ этого постановленія, которые вскоре потомъ послѣдовали. Напр., Мономаховичи устранили отъ старшинства Ольговичей Черниговскихъ. Изъ приведенныхъ словъ Соловьева можно заключить, что со времени Любечскаго съѣзда наступаетъ безусловная вѣтчинность. Затѣмъ Соловьевъ характеризуетъ слѣдующими словами Владиміра Мономаха: „Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ наперекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнять существующій порядокъ вещей, но личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрѣпляетъ недосѣлки существующаго порядка, дѣлаетъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворить его общественнымъ потребностямъ“. После смерти Мстислава Владиміровича борьба возгорается уже не отъ изгойства, какъ прежде; теперь ведутъ борьбу племена съ младшими дядями. Соловьевъ не выясняетъ эту перемѣну, въ которой играю, по мнѣнію Кавелина, не малую роль зарождавшееся вѣтчинное начало. Уже во 2^{ой} поло-

вину XII в., именно, въ Судздалскихъ князьяхъ Соловьевъ видить проявленіе государственнаго начала, первыми представителями котораго были Юрій и сынъ его Андрей Боголюбскій. Интересна характеристика стверныхъ князей и ихъ деятельность, представленная Соловьевымъ въ его публичныхъ лекціяхъ: » Все они похотси друго на друга; въ нихъ безстрастныя мѣла трудно уловить истинную характеристическія черты каждаго; все они идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ предъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ. Благодаря этой неуклонности, постоянству въ стремленіяхъ стверныхъ князей, великая цѣль была достигнута: родовые княжескія отношенія рушились, смѣнились государственными; въ княжескихъ договорахъ, завѣщаніяхъ мы видимъ ясно постепенность этой сдѣлки ».

Татарское владычество, по мнѣнію Соловьева, не оставило глубокихъ слѣдовъ въ русской исторіи и поэтому не представляетъ важной поворотной грани для общаго хода событій. Развитіе централизаціи шло само по себѣ и не было вызвано монгольскими нашествіями. Роль татаръ Соловьевъ готовъ приравнять къ роли половцевъ. Затѣмъ Соловьевъ ввѣстиваетъ теорію новыхъ городовъ. По его словамъ въ предѣлахъ стверно-восточной Руси, благодаря

ея географическимъ условіямъ, были построены
 новые города, которые послужили къ усиле-
 нію княжеской власти. Андрей Боголюбскій,
 Всеволодъ III и др. могли опереться на эти но-
 вые города. съ устройствъ ихъ выразилось
 одно основное явленіе Русской жизни, которое
 Соловьевъ называетъ освободеніемъ князей, въ
 противоположность движенію прежнихъ кня-
 зей (по вѣщому ведному пути), т. е. постоян-
 ному передвиженію князей и княжескихъ
 дружинъ изъ одного княжества въ другое.
 На сѣверо-востокъ Руси князья освобожда-
 ютъ своихъ удѣла, но дружина еще не освободя-
 ется. Иванъ Грозный борется съ этимъ
 явленіемъ, которое считалось какъ бы правомъ
 бояръ, такъ называемымъ правомъ оубога.
 Крестьянское населеніе было закрепощено,
 что, по мнѣнію Соловьева, было благодуше-
 нно, но оно борется противъ этого закрепоще-
 нія. Стремленіе крестьянства къ передви-
 женію выразилось со всей силой въ казачествѣ.
 Соловьевъ въ статьѣ „Казачество до Богдана
 Хмельницкаго“ признаетъ казаковъ свободомы-
 слами, какъ онъ говоритъ, по отноше-
 нію къ государству есть явленіе противо-
 государственное, по отношенію къ обще-
 ству — явленіе отрицательное. Вотъ воззрѣ-
 ніе Соловьева: „казакъ — человекъ бездомный,
 изгнанный изъ общества, человекъ, которо-
 му тѣсно, тяжело въ обществѣ при извѣстныхъ
 условіяхъ; такъ какъ самыя тяжелыя отно-
 шенія въ обществѣ были отношенія рабскія,
 то понятно, что большинство казаковъ состав-

лась изъ людей, въставъ въ степи стыски-
 вавшихъ себя свободу. Отсюда казакъ былъ
 бѣлый хлѣбъ и крестьянинъ былъ синопимъ,
 отсюда и сильная вражда между казака-
 ми и высшими земледѣльческими классами...
 Это не было выделение массы людей, разроз-
 нившихся съ большинствомъ въ извѣстныхъ
 убѣжденіяхъ - религіозныхъ или политиче-
 скихъ, или людей, ищущихъ большаго просто-
 ра, большаго удобства при употребленіи
 своего труда и капитала и потому спо-
 собныхъ положить прочныя основанія для кра-
 данскаго общества, - казакъ искалъ въ себѣ
 бѣгство изъ общества только личной сво-
 боды. Онъ являлся въ степь съ тѣмъ узкимъ
 младенческимъ взглядомъ на общественныя
 отношенія, къ какому причина его прежняя
 среда частной зависимости; онъ бѣжалъ въ
 степь вовсе не для того, чтобы трудиться,
 утвердивъ болѣе правильныя отношенія къ
 труду, - онъ бѣжалъ для того, чтобы бѣтъ
 вольнымъ казакомъ, а не мужикомъ, ибо
 понятіемъ труда соединялось понятіе му-
 жикства. Вольный казакъ, молодецъ, вовсе не
 хотѣлъ работать, или работать какъ можно
 меньше; хотѣлъ пить и ѣсть на чужой сѣдѣ,
 на счетъ чужаго труда. Плакивъ образомъ,
 вышедъ казакомъ въ степь изъ государства
 вовсе не бывъ шагомъ впередъ въ обществен-
 ное развитіе, но скорѣе - шагомъ назадъ. Какъ
 бы ни было неудовлетворительно состояніе то-
 го общества, изъ котораго вышелъ казакъ, все
 же оно было гораздо выше образовавшагося

въ степи казацкаго общества, которое по своему характеру своему, именно по своему существу, имѣло чисто отрицательное значеніе въ исторіи, приравнивавшее къ окривавшимъ его обществамъ Ногаевъ, Кашыковъ и крымскихъ татаръ. Вліяніе такого общества на государство не могло быть полезно..." Главнымъ образомъ періодъ Московскаго государства былъ періодомъ борьбы двухъ началъ. Соловьевъ особенно тщательно слѣдитъ за судьбой централизующаго государственнаго элемента. Ростъ Московскаго государства представляется ему въ такъую видъ: "Способствовало имъ (т.е. московскимъ князьямъ) отсутствіе сильныхъ областныхъ привязанностей, что обуславливалось природою страны, передвижкой населенія, привычкою переходить изъ одного княжества въ другое при первыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и вездѣ находить одинакія удобства, одинакій бытъ; неразвитость самостоятельной жизни въ городахъ сѣверо-восточной Руси, вѣдущей чуждый голосъ при важныхъ событіяхъ, при важныхъ борьбахъ не слишкомъ; характеръ сѣвернаго населенія, вообще издавна неохотно принимавшаго участіе въ усобицахъ, склоннаго къ мирнымъ занятіямъ, не легко увлекающагося, рассудительнаго: народонаселенію съ такимъ характеромъ скорее, чѣмъ какому либо другому, должны были наскучить усобицы, сопряженныя съ ними безпокойства; такое народонаселеніе должно было скорее Другаго понять, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было единовластіе, подчиненіе всѣхъ кня-

зей одному сильнѣйшему, причесть, какъ видно, народонаселеніе присоединенныхъ къ Москвѣ княжествъ ничего не теряю, не было повода жаловѣться о своей прежней особности"... „Не могло, продолжаетъ Соловьевъ, быть сильныхъ препятствій со стороны дружины, ибо дружинники, какъ мы знаемъ, не были тѣсно связаны съ извѣстными князьями, съ извѣстными княжествами, имѣли право перехода отъ слабѣйшихъ князей къ сильнѣйшему, служба которому была выгодна. Наконецъ, сословіе, пользовавшееся могущественнымъ нравственнымъ вліяніемъ, сословіе духовное, издавна действовало въ пользу единовластия".

Изъясъ Московскихъ князей нечего было опасаться сильной вражды. „Предаваемая заднею помощью татарская была постоянно готова для сильного и богатаго князя". Оцены дружины хотѣли и приобрѣли на свѣрсть хорошее положеніе, хотѣли и явились между ними богатыми и могущественными дружинами, но соперничество этихъ дружин отвлекало ихъ отъ центральной власти и здѣсь, такимъ образомъ, не было помехи росту Московскаго государства. Московское государство мало по малу переходитъ въ Россійскую имперію и для Соловьева этотъ переходъ — явленіе естественное. Петровская эпоха была, по его мнѣнію, подготовлена предшествовавшей эпохой. Таковъ взглядъ Соловьева на общій ходъ Русской исторіи. Петровская реформа служитъ доказательствомъ того, что переходъ Московскаго государства въ Евро-

пейское.

Переходимъ къ частному обозрѣнію сочиненія С. М. Соловьева. 1^{ый} томъ его исторіи вызвалъ подробную рецензію Кавелина. Этотъ первый томъ начинается географическимъ обзоромъ Русской территоріи. Здѣсь Соловьевъ впервые рассматриваетъ отношенія территоріи Россіи къ ея первоначальной исторіи. Мысль Соловьева заключается въ томъ, что огромная равнина Европейской Россіи заранее обусловливала ея политическое единство и почти одинаковый образъ жизни ея обитателей. Населеніе разделилось по 4^{мъ} главнымъ рѣчнымъ бассейнамъ, изъ которыхъ самая большая — Волжская система рѣки имела судьбу образовавшагося въ ней Московскаго государства, предназначила ему распространиться до Каспійскаго моря, по Камской системѣ и прилегающимъ къ ней Сибирскимъ рѣкамъ — на востокъ въ Сибирь; близость верховьевъ Днѣпра опредѣлила распространеніе Московскаго государства въ юго-западную Русь. Этотъ взглядъ Соловьева, вѣрный, вѣтъ можетъ, въ своей основѣ, не всегда, однако, правильно развивается въ частностихъ. Соловьевъ очень часто увлекается своими выводами, къ которымъ Кавелинъ, и впадаетъ въ крайности. Значеніе природныхъ условій на ходъ исторіи Соловьевъ распространяетъ чуть не до послѣдняго времени. Какъ во времена Геродота на югъ нынѣшней Россіи жили кочевники — Скифы, такъ и впоследствии. Эти кочевники смѣнились кочевниками же. Кавелинъ

спровергаетъ это мнѣніе тѣмъ, что наше население, съ расширеніемъ государства, подвигалось постепенно дальше на югъ, заселяя сѣни и вмѣстѣ кочевниковъ явилось земледѣльское, а въ послѣднее время и промышленное населеніе. Особенной крайностью отличаетъ взглядъ Соловьева на значеніе рѣчныхъ системъ. Когда исторія, образованіе Московскаго государства, даже образованіе самой Москвы, въ мѣстоположеніи какъ центра государства, - все это должно по нестрасному закону произойти такъ, а не иначе. Москва, какъ центръ государства, не могла явиться въ другомъ мѣстѣ; и если она явилась въ томъ центральному пунктѣ, гдѣ находится теперь, то этимъ самымъ должна была сосредоточить вокругъ себя Русскія земли и образовывать государство. Вопросъ о колонизаціи сѣверо-восточной Руси въ первый разъ поставленъ у Соловьева научно и удовлетворительно. Общій взглядъ его на этотъ вопросъ таковъ: по берегамъ рѣкъ строятся первые города; по рѣкамъ и по примоканъ движется населеніе все дальше и дальше въ глубь земли и Русь заселяется. Заселеніе страны мирными путями, путями колонизаціи, движущейся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, во въ главное отличіе Русской исторіи, есть главный, существенный ея характеръ. Основная мысль Соловьева въ его географическомъ обзорѣ, что будто обширная, однородная равнина создана единое государство, можетъ быть ограничена, по мнѣнію Навеш-

на, тѣмъ фактомъ, что Русская равнина представляетъ громадное разнообразіе. Основной взглядъ Соловьева на религію таковъ: „религія восточныхъ Славянъ соотвѣтствовала ихъ быту: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ, домашнимъ геніямъ; слѣдовъ германскаго элемента, такъ сильно развивающаго антропоморфизмъ, мы не замѣчаемъ у нашихъ Славянъ; знакъ, что между ними не образовались завоевательныя дружины подъ начальствомъ вождей германъ и что переселенія ихъ совершались въ родовой, дружинной формѣ.“ Въ изложеніи върованій, по словамъ Навешина, есть много произвольныхъ, недоказанныхъ и невѣроятныхъ предположеній. Напримѣръ, ошибочно Соловьевъ придаетъ Перуну другое названіе — Сварога. Въ доказательство онъ приводитъ одно мѣсто изъ Ипатьевскаго списка, гдѣ говорится, что Зересѣ и Славянскій Сварогъ одно и то же. Но Зересѣ — богъ кузнецъ, богъ огня; ни Зересѣ, ни Сварогъ никогда не были богами молніи, каковыми были Перунъ. Уже одно стараніе Соловьева привести языческія върованія, несистематическій вездѣ и у всѣхъ народовъ, даже у Грековъ и Римлянъ, въ единому и стройное цѣлое, — уже это стараніе должно было повести къ произвольнымъ положеніямъ. Соловьевъ, напримѣръ, говоритъ, что масленица — языческій весенній праздникъ, который „имѣлъ мѣсто въ началѣ весны, но такъ какъ это время приходи́тъ съ

Въ Великій постъ, то по принятіи христіанства празднованіе ея перенесено на конецъ Рождественскаго мясоеда и отпаса на святое воскресеніе. Затѣмъ праздникоу Яришъ ентъ сличиваетъ съ праздникоу Кушанъ и т. д.

Взглядъ Соловьева на Московскій періодъ, - до Петра отпугивается двойственностію: въ то время, какъ взглядъ его на русское общество того времени отпугивается отрицательными характерами, правящая власть наоборотъ обрисована у него въ самомъ благоприятномъ свѣтѣ; эта власть являющаяся у него чѣмъ-то постояннымъ, неизмѣннымъ, въ противоположность передвиженіямъ населенія, бояръ и удѣльныхъ князей. Неудивительно, что Соловьевъ оправдываетъ даже Грознаго и оправдываетъ, именно, съ государственной точки зрѣнія. Въ противоположность Чарамдину, Кесюмарову и Славянофиламъ, Соловьевъ всесторонне разсматриваетъ дѣятельность Грознаго, его борьбу съ боярами; дѣлаетъ обстоятельную характеристику переписки его съ турками. Онъ не можетъ только примириться съ Грознымъ въ нравственномъ отношеніи. Причиной смутной эпохи онъ считаетъ стремленіе бояръ къ крамоу и въ этомъ съ ними сходится Забѣлинъ. То мнѣніе Соловьева, какъ и Забѣлина, смута прекращена была наиболѣе консервативнымъ элементомъ Руси - посадскими людьми, представителями, типомъ которыхъ служилъ Козьма Мининъ. Понятно, что съ этой точки зрѣнія Соловьевъ, какъ представитель государственнаго элемента въ исторіи, долженъ быть Рус. исторіографіѣ 24. лек. пр. Багалъз.

и нѣтъ отрицательный взглядъ, напр., на казачество, о чемъ мы говорили выше. Петровская эпоха была подготовлена, по его мнѣнію, тѣми измѣненіями, которыя происходили во время Михаила Федоровича и Алексея Михайловича въ государственномъ, общественномъ и частномъ бытѣ Россіи. Особенно интересенъ взглядъ его на личносѣ и дѣятельность Петра Великаго: „Мы уже говорили въ свое время о томъ, какъ подготовлена была дѣятельность Петра всею предшествовавшей исторіей, какъ необходимо истекала изъ нея, какъ требовалось народомъ, который долженъ былъ пройти страшнаго переворота, посредствомъ необычайнаго напряженія силъ выйти изъ отчаяннаго положенія на новую дорогу, къ новой жизни. Но это нисколько не уменьшаетъ величія человека, который, при совершеніи такого труднаго подвига, подавъ мощную руку великому народу, необычайной силой своей воли направилъ всю его силу, давъ направленіе движенію. Исторія ни одного народа не представляетъ намъ такого великаго, многосторонняго преобразованія, сопровождавшагося такими великими послѣдствіями, какъ для внутренней жизни народа, такъ и для его значенія въ общей жизни народовъ, во всемирной исторіи“.

У иностранныхъ историковъ - у западныхъ долженъ быть, по мнѣнію Соловьева, сформироваться враждебный взглядъ на Петровскую эпоху, такъ какъ они привыкли къ мысли объ немощномъ господствѣ въ новой исторіи Германскаго племени, а посему Петра они должны

ны были признаны влияніе России на фюла Европы, признаны въ России представительству славянскаго племени, члѣвъ уничтожана съ монополія племени Германскаго. Взгляды на Петра нашихъ историковъ были вначалѣ благоговѣйныя, даже религіозныя, какъ выражается Соловьевъ и только во 2-ой половинѣ XVIII вѣка вызвали противодѣйствіе. „Въ этомъ противодѣйствіи, говоритъ Соловьевъ, высказывалось поступательное движеніе, духовное развитіе Русскаго народа“. Въ XIX ст. на подобныя реакціонныя взгляды имѣла вліяніе французская революція съ ея потрясеніями и насильствъ надъ народами; страхъ предъ возобновленіемъ революціонныхъ движеній, говоритъ Соловьевъ, заставилъ относиться враждебно вообще ко всѣмъ быстрымъ нарушеніямъ стараго, усиливъ охранительное направленіе, которое описываетъ и авторъ „исторіи государства Россійскаго“. Самъ Соловьевъ былъ защитникомъ Петровской реформы и настоящее время, по его мнѣнію, есть результатъ этихъ реформъ. Въ этомъ отношеніи онъ является истинно западникомъ, считаетъ реформы благодѣтельными и необходимыми, такъ какъ до-Петровская Русь считалась крайнимъ невѣжествомъ. Этотъ крайній образъ онъ рисуетъ общую картину реформъ: „Время переверотовъ есть время тяжелыхъ для народовъ: такова была и эпоха преобразованія. Жалобы на тягосты великія слышались со всѣхъ сторонъ, и не напрасно. Русскій человекъ не зналъ пока еще наперевѣ: набѣръ въ тяжкую безпрерывную

военную службу по летнюю, въ новую службу морскую, наборъ въ работники для новыхъ трудныхъ работъ въ лѣсахъ отдаленныхъ и непривлекательныхъ; наборъ въ школы свои, наборъ для отсылки въ учение за границу. Для войска и флота, для работъ, школъ и больницъ, для содержания дипломатовъ и для дипломатическихъ подвиговъ нужны деньги, а денегъ нѣтъ въ бѣдномъ государствѣ: тяжкій падати деньгамъ и натурой ложатся на вѣхъ; въ нужныхъ случаяхъ вычитаютъ изъ казначея; люди достаточные раздоряются постройкой домовъ въ Петербургъ; взято все, что можно было только взять, все отдано на откупъ; у бѣднаго народа нашия предметы роскоши - дубовые гробы, и тѣ отобрала казна и передала дорожному; раскольниковъ тѣматъ двойной окладъ; бородачи откупаютъ свои бороды. Предписаніе за предписаніемъ: шитье руды, шитье красокъ, доставляйте монетровъ, улаживайте за овцами не какъ прежде, выдѣлывайте кожи, стройте суда по новому, не шьите ткань узкихъ полотенъ, возите товары не на вѣверъ, а на западъ. Правительственные листы, суды - новые: не знаютъ, куда обратиться; меня этихъ листовъ и судовъ не унѣютъ обходиться съ новыми делами, отсылаютъ бумагу изъ одного учрежденія въ другое, волочита страшная; новые бѣдствія: постоянная вооруженная сила легла на безоружное народонаселеніе. Укрываются отъ тяжелой службы, но не вѣдь это удастся; жестокие наваданія грозятъ осуживающаго указа, и не вѣдь экениются дворянину негра-

мощному. А между тѣмъ подъ новыми фран-
цузскими картанами и париками старая гру-
бость нравовъ; тоже неуваженіе къ человѣче-
скому достоинству въ себѣ и другихъ, самыя бе-
зобразныя явленія въ тулу (пвансѣвъ), которы-
ми должны осканливаться каждый туръ;
женщина введена въ общество мужчинъ, но она
не окружена должнымъ уваженіемъ къ ея по-
лу, къ ея обязанностямъ; беременную ее за-
ставляютъ питъ чрезъ штору. Члены высшихъ
учрежденій ссорятся, бранятся другъ съ дру-
гомъ самыя грубыя обиды; взяточниче-
ство сильно попрежнему; слабый подверженъ
всѣмъ насиліямъ отъ сильного... Но это только
одна сторона, есть другая. Народъ проводитъ
трудную жизнь. Строгий учитель не щадитъ
наказаній лѣнивымъ и нарушителямъ уста-
вовъ; но дѣло не ограничивается однимъ угро-
зами и наказаніями. Народъ дѣйствительно
учится; учитель не одной цифри и геометріи,
не въ однихъ школахъ, русскія и заграничныя;
народъ учится гражданскимъ обязанностямъ,
гражданской дѣятельности. Три изданія
каждаго важнаго постановленія, при введеніи
важнаго преобразованія, законодатель объясня-
етъ, почему онъ такъ дѣлаетъ, почему новое
лучше стараго... Впервые мысль русскаго че-
ловѣка была возбуждена, его вниманіе обра-
щено на важныя вопросы государственнаго
и общественнаго строя; сочувственно или несо-
чувственно обращаясь къ словамъ и дѣламъ
царя, все равно, надъ этими словами и дѣ-
лами думая; эти слова и дѣла постоян-

но будили русского человека. Что могло погубить общество одряхлевшее, народъ, неспособный къ развитію, — превращенія преобразовательной эпохи, незнаніе покоя, — то развило силы молодого и крѣпкаго народа, долго спавшаго и мучившагося въ сибирномъ толкѣ днѣ пробужденія. Поучителенъ былъ путь. На вершѣ правительствующій сенатъ, Синодъ, всагда помѣщавшее устройство, привилегіи кѣто-раго подробно изложены въ духовномъ регламентѣ; повсюду выборное начало; промышленное сословіе изъято изъ вѣдѣній воеводъ, ему дано самоуправленіе. Эта система Петра была направлена противъ главныхъ золъ, которыми страдала древняя Россія: противъ разрозненности ели, непривычки къ общему дѣлу, противъ отсутствія самостоятельности, отсутствія способности начинать дѣло... Указанными недостатками страдала преемница царская дума; Петръ учреждаетъ Сенатъ, которому приписаны, которая указовъ должны были слушаться, какъ указы царскихъ. Петръ не равновѣсилъ къ созданной имъ власти, не ограничивалъ ее, наоборотъ, онъ постоянно и безцеремонно требовалъ, чтобы Сенатъ воспользовался своимъ значеніемъ, чтобы былъ именно правительствующимъ; указы, выговоры Петра Сенату были за медленность, вѣломъ за отсутствіе распоряжительности, за неумѣніе заставить привести свои приговоры немедленно въ исполненіе. Затѣмъ Соловьевъ дѣлаетъ слѣдующую сѣвку личности Петра и его реформы: "Никогда ни одинъ народъ

не совершая такого подвига, какой былъ совершенъ Русскимъ народомъ въ первую четверть XVIII вѣка. На исторической сценѣ явился народъ малоизвѣстный, бѣдный, слабый, не принимавшій участія въ общественной жизни; немощными усиліями, страшными пожертвованіями далъ законность своимъ требованіямъ, явился народомъ могущественнымъ, но безъ завоевательныхъ стремленій, успѣвшійся, какъ только приобрести было необходимое для его внутренней жизни. Человекъ, руководившій народомъ въ этомъ подвигѣ, мы имѣемъ полное право назвать величайшимъ историческимъ дѣятеlemъ, ибо никто не можетъ имѣть большаго значенія въ исторіи цивилизаціи. Петръ не былъ вовсе самодержцемъ-завоевателемъ, и въ этомъ являлся полнымъ представителемъ своего народа, незавоевательного по природѣ племени и по условіямъ своей общественной жизни. Словія Петра высказались въ ясное уразумѣніе положенія своего народа и своего общенароднаго, какъ возрѣя этого народа; онъ созналъ, что его обязанность вывести слабый, бѣдный, почти неизвѣстный народъ изъ этого печальнаго положенія посредствомъ цивилизаціи. Трудность дѣла представилась ему во всей полнотѣ по возвращеніи изъ заграницы, когда онъ могъ сравнить видѣнное на западѣ съ тѣмъ, что онъ нашелъ въ Россіи, которая встрѣтила его стужей и бунтомъ. Онъ испыталъ страшное искушеніе, сомнѣніе, но вышелъ изъ

него, вопишь увѣровавшимъ въ нравственные
смыслы своего народа, и не замедливъ призвать
его къ великому подвигу, пожертвованіямъ
и лишениямъ всякаго рода, показывая самимъ
примеромъ во всемъ это. Ясно сознавши, что
русскій народъ долженъ пройти трудную шко-
лу, Петръ не усмирился подвергнувъ его
страдательному, унижительному положенію
ученика; но въ тоже время онъ успѣлъ уравни-
вать невгоды этого положенія славою и
величіемъ, превратитъ его въ дѣятельное, ус-
пѣвъ создать политическое значеніе России
и средства для его поддержанія. Петру
предстояла трудная задача: для образо-
ванія русскихъ людей необходимо было вызвать
иностранныхъ наставниковъ, руководителей,
которые естественно стремились подчинить
учениковъ своему влиянію, стать выше ихъ;
но это унижало учениковъ, которыхъ Петръ
хотѣлъ сдѣлать какъ можно скорее масте-
рами. Петръ не поддавался искушенію, не
принимать предложенія вести дѣло успѣшно съ
мадьями выученными, вопишь приотворен-
ными, но иностранцами, хотѣвъ, чтобы
свои русскіе проходили дѣятельную школу,
хотя бы это стоило и большихъ потерь, сопро-
вождаемыхъ большими неудобствами. Мы ви-
дѣли, какъ онъ поспѣвши отдѣлаться отъ
иностраннаго фреймаршала, видѣли, какъ
на всѣхъ высшихъ мѣстахъ поставивъ рус-
скихъ людей, а иностранцамъ дать только
второстепенный, и мы видѣли, какъ Петръ
былъ награжденъ за веру въ свой народъ, за

преданность ему. Эта же с необыкновенною осторожностью, умевшая не перейти должных границы раздвинула дома Петра трудная задача церковного преобразования. Он уничтожил одноличное управление и заменил его коллегиальным или соборным, что вполне соответствовало духу восточной церкви; мы видим, что одно из главных забот Петра было поднятие русского духовенства посредством образования; не смотря на сильное и понятное нерасположение к монашеству, он не уничтожил этого учреждения, подобно Генриху VIII английскому, только стараясь дать ему больше соответствующую его характеру деятельность." Вступил Архимандрит Петра Соловьев раздвигает на 2 группы: к одной он причисляет тех, которые нарушили Петровский реформы, а к другой тех, которые их продолжали. К 1-ой категории относится Анна Ивановна. Многостранны у нее занятия: первый мистика (Бирон), даже не по своим личным способностям, в противоположность обычаям Петра в этом отношении. Может самое продолжалось и при Иоанне Антоновиче и Анне Лесоводовне. О Бироне и его характере Соловьев говорит: „Пякелъ былъ Биронъ какъ фаворитъ, какъ фаворитъ — иностранецъ; но все же онъ тогда (при Анне Ивановне) не святилъ собственнымъ свѣтомъ и, хотишь ли, сильное влияние на дѣла, однако, доволѣвъ уясвѣдѣть.

нымъ много прихвотнымъ, не имѣвшимъ правительственнаго значенія. Но теперь этотъ самый ненавистный фаворитъ — иноземецъ, на котораго привоили скидывать весь вѣдѣвѣ прошлаго тяжелаго царствованія, становясь правителемъ самостоятельнымъ; эта юбка, брошенная на царствованіе Анны, этотъ позоръ ея становится полноправнымъ преемникомъ ея власти; власть царей русскихъ, власть Петра Великаго въ рукахъ иноземца, ненавидимаго за вредъ, имъ причиненный, презираемаго за бездарность, за то средство, которымъ онъ поднялся на высоту. Бывали дѣла Россіи позорныя времена: обманщики стремились къ верховной власти и овладѣвали ею; но они, по крайней мѣрѣ, обманывали, прикрывались священнымъ именемъ наследниковъ престола. Недавно противники преобразованія называли преобразователей иноземцевъ, подкидывали въ семью русскихъ царей; но другіе и лучшіе люди стояли надъ этими баснями. А теперь въ вѣдѣ, безъ прикрытія иноземецъ, инотворецъ само-властно управляетъ Россіей и будетъ управлять 17 лѣтъ — по какому праву? — потому только, что былъ фаворитомъ покойной императрицы! Случайными глазами православный русскій мовъ теперь смотрѣтъ на торжествующаго раскольника? Россія была подарена безпробѣвенно му и бездарному иноземцу, какъ цѣна позорной связи! Этого переносить было

нельзя. Даже иностранцы, недавно пригласившіе въ Россію, не могли не замѣтить, что на мнѣ каждого изъ русскихъ была напечата горестъ, вѣдствій чего надобно ожидать всевозможныхъ безпокойствъ и смѣтеній; Русскіе понимали, что герцогъ курляндскій унижилъ ихъ государыню въ глазахъ цѣлой Европы и покрылъ ее вѣчными стыдомъ, который она унесла съ собою въ могилу. Въ негоднованіи и гнѣвѣ они ошановались и на несправедливостѣ, оказанную цесаревнѣ Елизаветѣ; говорили, что если уже регентомъ непремѣнно долженъ быть иностранецъ, то болѣе права на него имѣлъ отецъ императора, принцъ Брауншвейскій; другіе говорили, что если уже надобно подвергаться неудобствамъ малолѣтства государева, то почему же не призванъ на престолъ молодой герцогъ Голштинскій, который по мѣтамъ своимъ могъ бы гораздо скорѣе освободить Россію отъ регентства, чѣмъ Александръ Антоновичъ." Владичество иностранцевъ было вызвано, по мнѣнію Соловьева, неудачными исходами попытокъ верховниковъ. Тѣмъ же эти состояли въ томъ, что нѣкоторые знатныя фамиліи: Долгорукины, Голицыны и др. пытались подняться до престола; они были низвергнуты и на ихъ мѣсто явились иностранцы. Во владичество иностранцевъ Соловьевъ видитъ самое пагубное отступленіе отъ мыслей Петра Великаго: „нѣкоторое противодействие петровскихъ началъ, говоритъ Соловьевъ, обнаружилось въ усмѣхѣнн личнаго управленія въ областяхъ, въ надзорнѣмъ личномъ Этаса надъ сенатомъ то подыме-

нелю тайнаго верховнаго совѣта, то подъ именею кабинета. Но болѣе печальныя свидѣнія нѣ было: стѣсненіе отъ мысли Петра Великаго относительно иностранцевъ. Самая сильная опасность при переходѣ Русскаго народа изъ древней исторіи въ новую, изъ возраста чувствъ въ возрастъ мысли и знанія, изъ жизни домашней, замкнутой — въ жизнь общественную народовъ, — главная опасность при этомъ заключалась въ отношеніи къ чуждымъ народамъ, опередившимъ въ дѣлѣ знанія, у которыхъ по этому надо было учиться. Въ этомъ то ученическомъ положеніи относительно чуждыхъ живыхъ народовъ и заключалась опасность для сны и самостоятельности Русскаго народа, ибо какъ соединить положеніе ученика съ свободою, самостоятельностью въ отношеніи къ учителю, какъ изъбѣжать при этомъ подчиненія, подражанія. Примиришь суровыми крайностями подчиненія западныхъ европейскихъ народовъ своимъ учителямъ — Грекамъ и Римлянамъ, когда они въ эпоху возрожденія совершали такой же переходъ, такой Русскіе совершали въ эпоху преобразованія, съ тѣмъ разлнціемъ, что опасность подчиненія уменьшалась для западныхъ народовъ тѣмъ, что они подчинялись народамъ мертвымъ, тогда какъ Русскій народъ долженъ былъ учиться у живыхъ учителей. Путь то Петръ и искалъ великую помощь своему народу, сокращая сроки ученія, заставляя немедленно проходить практическую школу, не оставляя долго Русскихъ людей въ сраженіиablyнъ положеніи учениковъ". Въ Слѣд-

вѣтъ Соловьева видѣть приищу предолжательни-
 цу Петра. Тѣмъ Петра Великаго настоящего-
 сподетво мнозицею и это иго съ запада, по сло-
 вамъ Соловьева, оказаносъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ
 прежде съ востока татарскимъ. Отъ этого иа
 избавиша Россію Дѣло Петра Великаго: Россія
 прииша въ себя. На высшихъ мѣстахъ управ-
 ленія снова явились русскіе люди, и когда на
 мѣсто второстепенное назначали иностран-
 ца, то Елизавета спрашивала: развѣ нѣтъ
 русскаго? Иностранца можно назначить толь-
 ко тогда, когда нѣтъ способнаго русскаго.
 Народная дѣятельность распеленовываеа
 уничтоженіемъ внутреннѣмъ таможенъ; банки
 являюа на помощь землевладѣльцу и куп-
 цу; на востокъ начинается снѣжная разрабо-
 ка рудныхъ богатствъ; торговля съ средней Азі-
 ей принимаетъ обширные размѣры; коженныя
 степи получаютъ населеніе изъ заграницы, насе-
 леніе, однородное съ главнѣйшѣмъ населеніемъ, подѣ-
 лу легко съ нимъ снѣвающееся, а не чуждое, ко-
 торое не перевариваеа въ народномъ тѣлѣ;
 учреждаеа генеральное межеваніе; народъ, при-
 медливъ въ себя, начинаетъ говорить о себѣ и
 про себѣ, и являеа литература, являеа
 языкъ, достойный говорящаго о себѣ народа;
 являюа писатели, которые остаются еще
 въ памяти и мысли потомства, являеа
 народный театръ, журналы, въ старой Мо-
 сквѣ основываеа университетъ. Человѣкъ, шѣ-
 нувшій прежде передъ теперашьмъ началомъ, стано-
 вится послѣднимъ работникомъ въ странѣ, ко-
 торая болѣе чѣмъ какая либо другая нуждается

ая въ рабочей ситѣ; пытка заботливо оцѣняе-
ся при первой возможности и, такимъ образомъ,
на практикѣ приготавливается ея уничтоженіе;
для будущаго времени приготавливается но-
вое поколѣніе, воспитанное уже въ другихъ
правилахъ, чѣмъ тѣ, которыхъ господствова-
ли въ прежнія царствованія, воспитывается
приготавливается чѣмъ рядъ дѣятелей, кото-
рые сдѣлаютъ знаменитѣе царствованіе Ека-
терины IIей". Время Петра III является у
Соловьева въ отрицательномъ видѣ; это-эпоха
господства Солитинцевъ, Сиводатеневъ ино-
стрянцевъ. На время Екатерины II нѣтъ у Со-
ловьева опредѣленнаго взгляда, такъ какъ онъ
не довелъ до конца обзоръ этого царствова-
нія.

Бромадный трудъ Соловьева (29 т.) составля-
етъ поистинѣ драгоцѣнный вкладъ въ Русскую
историческую науку. Онъ доведенъ до половины
царствованія Екатерины II. Выдающимся
достоинствомъ этого труда нужно призна-
вать выдержанность общаго историческаго взгляда.
Для Соловьева русская историческая жизнь пред-
ставляетъ въ началѣ въ видѣ рода, затѣмъ по-
степенно снѣгаемаго началомъ государственнымъ.
Соловьевъ могъ выполнить свою задачу во 1. благодаря
правильному систематическому труду
и во 2. потому, что онъ обратился къ архив-
нымъ и внесъ массу новаго матеріала. Особен-
ное значеніе его трудъ по новизнѣ матеріала имѣ-
етъ во 2^{ой} части своей — съ XVII вѣка. Нроль
черковъ въ нашей исторіи находитъ массу цен-
наго матеріала и о внутреннемъ бытѣ русска.

го общества. Но дипломатическая история (14 т.) служит предметом особенного внимания сочинителя. Въ числу более серьезных недостатков труда Соловьева принадлежит преобладание догматической стороны над критической. Соловьевъ выступилъ въ то время, когда въ русской исторіи созрѣло значительное число вопросовъ, но не было соответствующихъ отвѣтовъ. Соловьевъ никогда не даетъ поучительнаго обзора чужихъ мнѣній. Онъ не опровергаетъ противоположныхъ взглядовъ, не даетъ характеристичныя предшествовавшихъ трудовъ по русской исторіи, и мы даже не знаемъ, какъ онъ самъ смотрѣлъ на свою задачу, приступая къ своему труду. Недобные недостатки даютъ особенно чувствовать себя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ затронуты спорные вопросы. Здѣсь мы находимъ всегда только одно мнѣніе — самого автора. Основная мысль труда Соловьева, — идея государственная — законна идея народа; народъ является пассивнымъ орудіемъ для эксперимента государственной власти. Авторъ мало интересуются бытовыми условиями, крестьянство. Для него не имѣетъ значенія то, что уничтожено централизацией, что полезно, но на самомъ дѣлѣ оставило все таки нѣкоторый слѣдъ. Въ предшествовавшей московской централизацией учрежденія, выборные установленія (вѣче), по его мнѣнію, отжили свой вѣкъ уже потому, что тамъ внутренній бытъ не удовлетворительно; онъ является въ такомъ постепенномъ, правильномъ развитіи, какъ начало госу-

дарственное. Это какія-то напередъ данныя ниточки, напоминающія матеріаломъ; читаешь при чтении какъ бы прерывается нить разсказа; это нечто суровое, чрезвычайно раздробленное. Не соблюдена историческая перспектива, т. е. на ряду съ ниточными вопросами стоятъ вопросы первостепенной важности. У Соловьева ниточко матеріалъ господствуетъ надъ авторомъ; мы встречаемъ у него массу матеріала необработаннаго, непереваареннаго. Соловьевъ создалъ цѣлую школу историковъ и юристовъ. Его почитователи: Кавелинъ, Чернинъ, Леонтовичъ, Самаковасовъ, Никитскій, Ключевскій, отчасти Забелинъ, Владимірскій Будаговъ и др. Эту школу можно назвать историко-юридической. Наибольше замѣчательными почитователями Соловьева являются -

§17. Константинъ Дмиріевичъ Кавелинъ.

Библиографія:

Бестужевъ-Рюминъ. О сочиненіяхъ Кавелина. (Отг. зап. 1860).

Спасовичъ. Памяти Кавелина (Вѣстникъ Европы 1885).

В. К. Подиловъ въ русской литературѣ (Рус. Бог. 1889).

Кавелинъ собственноразвивающъ и дополняющъ взгляды Соловьева и былъ вѣнчанъ съ тѣмъ его критикомъ. Это - личность очень выдающаяся и по своимъ умственнымъ дарованіямъ, и по нравственнымъ качествамъ, хотя онъ не создалъ ничего, соответствующаго своимъ громаднымъ